

Александр Андрюхин

Запредельный звон

Шестая книга стихов

В шестую книгу поэта вошли стихи, написанные в 1990 году. Несмотря на предчувствие распада страны, автор не потерял легкости и иронической интонации в изложении. Также при осмыслении действительности весьма оригинальны его перепевы библейских и литературных сюжетов, не лишенные тонкого юмора.

ПОСЛУШАЙ

Послушай, вслушайся в наш мир,
в порывы ветра, в стук дождя.
Сопит зефир, струит эфир,
в дворцы халупы возводя.

Услышь листву и уток клик,
дыханье речки, сосен гул.
Он вправду мыслит, тот тростник,
и тополь полон тайных дум.

Зудит вожжа, клубится ржа,
мурашки от свинцовых туч.
ПослУшанье — не послушА-
нье — вот он жизни ключ!

И на заре ее будить
не бойся, распахнув глаза.
Нам завещали с мИром жить,
а не в смирЕньи небеса.

ПРОВИНЦИЯ

Где бьют баклуши в царстве клуш,
смешны трибуны и дебаты.
Здесь край Обломова, здесь глушь,
провинция, почти Саратов.

И дальний рай, и ближний свет,
покой, безденежье, зевота.
Здесь смерти нет, и жизни нет —
тоска, провинция, болото.

Здесь обожают слушать дрянь,
шедевры душу тягомотят.
Русалки нюхают герань,
и по пивнушкам леших носит.

Да здравствует сей чудный край,
а с ним отцы и бургомистры!
Сколь этот рай не обсирай,
не высечешь и плевой искры.

Вся плесень из тени ползет,
на солнце грязь сверкает златом.
Эх, зарядить бы пулемет —
ан нет! Доходчивее матом.

В ТОМАТЕ

Вечно некогда, вечно некстати,
вечно током стреляешь, как скат.
Мы живем, будто килька в томате,
ненавидя паршивый томат.

Всюду давка, нервозность, заторы,
чьи-то спины и лица в поту.
Килька любит моря и просторы,
а не баночную тесноту.

Отзвенели в морях дифирамбы,
затянулись проливы в корсет.
Как мы, плыв на рыбацкие лампы,
полагали, что плыли на свет.

Рассовали нас в бочки и банки,
в кормовую смололи муку.
Работяги, философы, панки —
все в консервную вгнуты дугу.

Столько времени, бедных, нас морят
на спецбазах на случай войны.
Час пробьет, нас еще откупорят,
но затем, чтоб сожрать без вины.

ГРОМКИЙ РОК

Зал от воплей трясет и рокота —
рок грохочет, задвинув лириков.
Хватит слов и слюнявого шепота —
время свистов пришло и выкриков.
Полный газ из колонок выжали —
киловатт и подростков ржание:
мы пришли, чтобы нас услышали —
задолбало отцов брюзжание.
Проще выпихнуть, плюнуть, выругать,
хлопнуть дверью, взъерошить волосы,
чем понять, что хотим мы выкрикнуть
и отнюдь не с чужого голоса.
Кто успел эту землю вывихнуть?
И когда мы на сцены выбежим —
не до арий! Успеть бы выкрикнуть —
завтра, может, уже не выживем!
Если б мир как перину вытряхнуть,
если бы души дверьми распахивать —
дайте выкрикнуть,
выкрикнуть, выкрикнуть!
Завтра не с кем уже вытряхивать.
От плевков ли на сцене вымокнем,
от мозгов ли, что всем не высушить.
Если нынче свое не выкрикнем
Завтра некому будет выслушать.
...Но однажды июньским вечером
дали зал, микрофоны вставили,
и когда объектив направили,
оказалось, и крикнуть нечего...

СЪЕЗД

Опять кремлевские палаты
полны ума и ветчины.
Сидят угрюмо депутаты,
мрачнее импортной чумы.

Сидят, плечом к плечу сплотившись
юрист, колхозник и пиит,
чувашин, чукча и мориец,
и друг степей антисемит.

Они явились, чтоб стихию
преодолеть, как океан, —
спасти немытую Россию
от недобитых россиян.

Вот депутат из Коми. С лета
Он хочет зачитать доклад.
Он долга в чуме ждал рассвета,
теперь он красный ждет закат.

А вот башкирский Марко Поло,
суров и бел, как майонез:
— Где раньше было пусто, голо,
теперь возводятся АЭС.

Есть и без племени, без роду,
избранники каких-то орд,
что голосуют за свободу,
хотя на кой она им черт?

Тут блеск дворцовый, тут все ново,
любой регламент по плечу.
Все ждут в президиуме слово,
как ждут народы ветчину.

И глядя в телеозерцало,
следит внимательно народ,
как тут с интернационалом
русский стервенеет род.

ЕЩЕ РАЗ О ЛЕНИНЕ

Что пользы разгибать колени?
И на коленях жить тоска.
Когда я слышу имя Ленин —
бикрень заходит за мозга.

Под медной ленинской пятою
еще нам долго дрейфовать.
Что пользы загибаться стоя
и тупо пальцы загибать?

Куда не брось усталым взглядом —
езде стегал марксистский бич.
Чтоб ум не заходил за разум,
сдвигаем мы стаканы разом,
но в рамке щурится Ильич.

А на трибунах рвут аорты
за исторических Иуд,
и глядя в избранные морды,
всем ясно, что колени стерты,
но стоя выжить не дадут.

И распрямившись как-то с дуру,
вглядевшись в пыльные тома,
приходит мысль в овечью шкуру:
ни сдать ли все в макулатуру
и получить взамен Дюма.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Понедельник — день условный,
ибо в духе мы грядем.
Мама спит, и папа сонный,
сын веселый, как Артем.

Мама бедная, как Лиза,
папа грубый, как Указ.
Ходит голубь по карнизу —
кот не сводит умных глаз.

Но открыла веки мама,
потянулась, словно барс —
вероятно, будет драма
а быть может, будет фарс.

Сын музон включил с разгона,
кот с разгона под диван.
Мама — милая как Мона,
папа — грозный, как Иван.

Все соседям по привету!
Остальным — до гроба цвести!
В кофеварке кофе нету,
но в газетах правда есть.

Вот взаимные издевки —
тема стара, как скамья:
то ли там, отцы и девки,
то ли мама и семья.

Мама прелесть, папа прелесть,
их в конюшню бы, к коням.
Сын выпячивает челюсть,
намекая про мням-мням.

Но трепещут очень странно
папин галстук, мамин бант.
Кот глядит из-под дивана,
как из тьмы суровый Дант.

МЫСЛЬ

Мысль сверкнула, как блесна,
в день смурной и пустоватый,
и с улыбкой глуповатой
на крючок взяла из сна.

Подсекла, как женский лиф,
с визгом бросила на берег:
— Эй, послушай, я не Беринг,
ты ведь тоже не пролив?

Соскоблила под дуду
чешую, распотрошила,
на жаровню положила
словно грешника в аду.

Сожрала меня всего,
сожрала — не поперхнулась.
То ли с голода рехнулась,
то ли там еще с чего?

Из какой такой дали
мысли землю содрогали?
Лучше б мысли не сверкали,
лучше б мысли мимо шли.

ЗАВТРА

Завтра — бой! Завтра все может стать.
Решено, завтра встану с трубой!
В этот бой не могу не ввязаться,
не могу не принять этот бой.

Пулемет по деталям раздарен,
и берданка пропита в пивной.
Я за все тебе, жизнь, благодарен,
но вдвойне благодарен за бой.

Как я верил в тебя, ты мне снился!
Жаль одно, что дожили не все:
кто простился, а кто устранился,
кто пустился во тяжкие все.

Кто делишки затеял свиные,
кто подался в свирепый запой.
Только я тебя ждал! А иные
дни и ночи готовили бой.

Хлопну рюмку с серьезностью чинной,
сколько можно порывы душить?
Наша жизнь отдает мертвечиной,
завтра — повод ее оживить.

К черту кресло! Анафема пледу!
К черту теплый халат тыловой!
Пусть надежд никаких на победу,
но пьянею от права на бой.

СЕГОДНЯ

Куда бы ни бросил свой взгляд —
все искренне катится к черту.
Ничто здесь не свято! Не свят
бодряк леденящий по норду.

Вчерашний босяк королем
себя возомнил, сатанея.
А дрянь, что была за рулем,
в сто раз оказалась дряннее.

Доколь, вопрошаю, доколь
в прощеньях искать утешенья?
Повсюду лишенья и боль
но духа большее лишенья.

Затмила глаза мишура,
готовит дрова преисподня.
Сегодня больней, чем вчера,
и завтра больней, чем сегодня.

ГОД ОВЦЫ

Какие новые сюрпризы
отвесят деды и отцы
и их потомки, подлецы.
Должно быть, звездный час Раисы,
поскольку белый год овцы.

Раиса, сжался над страною,
Раиса, наложи табу
на место с орденом в гробу!
Давно уж не блестит звездой
пятно кремлевская во лбу.

Народы грудью за тиранов,
а за тиранов грудью Бог,
они нас обратят в баранов,
затем согнут в бараний рог.

И ждет корабль, и реют флаги,
и вся заплевана корма,
а пассажиры злы и наги,
и ропот робкий, как в сельмаге,
где туалетной нет бумаги,
но вдоволь всякого дерьма.

Одновременно, как компьютер
наш кормчий блеет и блюет.
Но не родился новый Лютер,
и старый Рюрик не идет.

КАРАВАН

*Впереди каравана верблюдов
всегда идет осел.
из восточной мудрости*

1

Минуя дымку дальних стран,
тоску забытых сел,
бредет по дюнам караван,
а впереди — осел.
Звенит ослиная тоска
в натруженной груди.
Ослу не важно ведь куда —
лишь быть бы впереди.
И караванщик без труда
зарифмовал сонет:
«Не дай нам, бог, зайти туда,
откуда хода нет.
Не дай нам мосек за слонов
и за дворцы кишлак,
и пусть на сотню верблюдов
всего один ишак».

2

Но через много лет и смут
явился Бог из снов,
и видит Он, бредет верблюд,
а с ним — орда ослов.

И не сдержал Господь тоски,
тряхнув свои мослы:

— Кругом и так один пески,
а тут еще ослы!

И Богородица сама
вдруг изрекла слова:

— Не дай нам, Бог, сойти с ума
от итога «иа»!

А что верблюд? Не брат, не Брут,
не крал, не состоял.

Он отгорбатил, и зер гуд,
и он на все плевал.

И вновь посланцы и послы
сойдут за миражи.

Кругом ослы, один ослы
и нет на них Хаджи.

О что там лебедь, щука, рак,
с повозкой роковой.

Ослы гуртом в гражданский брак
вступают со страной.

3

Зажал погонщик карабин,
курок упрямо взвел:
опять растет из сына свин,
видать, отец — осел.

От миссисипий и до висл
Всевышний не со зла
закладывал великий смысл
в явление осла.

Ведет нас в лежбище побед
ослиный древний род.
Но кто сказал, что этот свет —
движение вперед.
И путь далек, и месяц дран,
и караванщик зол.
Все тот же в дюнах караван,
а впереди — осел.

ЖИЗНЬ

А жизнь становится добрей
и веселей под звон гармошек.
Вчера жалели лошадей,
а завтра пожалеют кошек.
Вчера собак давил сосед,
сегодня — только тараканов.
Министр дал святой обет —
не разбивать пустых стаканов.
С утра старушки кормят птиц,
внучат выгуливая пленных.
Сегодня жалуют убийц,
а завтра будут — убиенных.
Вчера стремились раструбить,
сегодня скромно разбазарить.
Вчера в пивной могли,
сегодня — только «отovarить».
Уже на зековский на свист
летят с огнями тепловозы.
По зонам рыщет журналист,
и выбивает чьи-то слезы.
И на дубинку пистолет
уж заменили, и поэту
кричать «карету мне, карету»
не стоит — нет уже карет.
Да, мир становиться добрей
и мы добреем понемногу.
Когда-то в чудо верил Грэй,
сейчас не верит даже Богу.

ИЗ БИБЛИИ

1

Трудно дело Моисея
выводить евреев в люди —
по степи пустой скитаться
и проклятия сносить.
Но бродя по бездорожьям,
по пророчествам тоскуя,
научился предводитель
чудеса и сны творить.

2

Только ахнет он по камню,
и родник забьет из камня.
Только на небо он глянет —
манны божьей — полный Нил.
Так, шатаясь дни и ночи
с полоумною идеей,
диалектику природы
славный старец сочинил.

3

Но роптал народ еврейский:
— Мы жида или туристы?

Только степи и пустыни!
Мясо где и колбаса?
Диалектика природы
грубовата для желудка.
Лучше рабская, но сытость,
чем свобода как у пса.

4

— Ах, еврейские вы рожи! —
им в ответ промолвил старец, —
Вам свободу — вы мне жопу,
я вам — честь, вы мне — позор.
Вот взойду к Яхве на гору,
наплету ему такое...
Если воли не хотите,
мы развяжем с ним террор.

5

И раздался гром великий,
и с горы ответил старец:
— Там у нас в запасе вечность —
Рай! И вина с канапе!
Только нам еще Всевышний
сорок лет велел скитаться.
И сказал народ еврейский:
— Ё!... (к, л, м, н, о, п).

6

Сорок лет водил их старец
без компАса, как Сусанин,
а на сорок первый выдал
с чувством, с толком, на «ура»:
— Не рабы мы больше — братья!
Веселитесь, сучьи дети!
Время братских содеяний,
время грабить города!

7

И пошел народ еврейский
от идеи от житейской
по дорожке по библейской
с прагматизмом на роду,
в шляпе, в троечке фортовой
и с запасами в кладовой,
сзади, правда, туз бубновый,
но зато звезда во лбу.

КЕНТ

Рязанский кент,
собравшись съездить в Болдон,
попал под Лондон.
Поднялся весь лондОнский двор,
поскольку кент ввязался тут же в драку.
Спустили вмиг лондОнскую собаку
(как Зевс лавины отпускает с гор
со звоном, громом, старческой трухой).
— Блоху, кричат, блоху!
Пришли с блохой.

— Что подковать? — спросил чужак
с усмешкой,
решив, что дело — дрянь
и лучше бы не мешкать, —
Я мастер высший класс, я выполнял госплан,
пускай ты мэн, а я, приятель, суперман!
Я безболезненно пью воду, спирт,
эфиры и кумыс.
Пускай я — сер, ты — сед, а я, приятель, лыс!
Но если мне на лоб поставить вдруг пятно,
поймите, господа, я буду кто!

Но джентельмены,
не раскрыв своих британских карт,
отправили пьянчугу в Скотланд Ярд,
так не доверив гостю скандинавских блох,
поскольку дог, куснув его,
вдруг моментально сдох.

Зря расточал чуждак свои слова.
Те чуваки, — друзья всемирного прогресса,
не понимали по-российски ни бельмеса.

И, разумеется, мораль здесь такова:
чем в Болдон рвать к Сергеечу по пьяни,
пойди опохмелись и отоспись в чулане!

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Гляжу, как безумный, на пьяный дебош,
а сердце терзает ядреная вошь.

Когда молодым заходил я в кабак
вокруг начинался китайский бардак.

Все куклы слетались, как птички в раю,
партийную молодость гробить мою.

Но только с одной утопал я в вине —
такое она поднимала во мне...

От взгляда ее весь похмельный синдром
слетал будто плащ, но об этом потом.

Однажды шепнул ресторанный наш мент,
что прелесть мою провожал диссидент.

И сунув менту троячек на чаек,
я ручкою сделал, чтоб, значит, молчок.

И вышел я в ночь под созвездий рога —
такси не снуют, не видать ни фига.

В глазах растуманы, в башке перезвон —
едва отыскал этой куколки дом.

К двери подхожу, что за дверью? Начхать!
Прислушался. Черт! Ничего не слышать.

Зверею, врываюсь и вижу сквозь сон,
Как в грудь ее чмокает жиDOMасон.

Трезвею, шалею и гнусь, как глиста:
— Товарищ, не верь, не взойдет та звезда!

В руках ни пера, ни револьвера нет,
в карманах дыра, да партийный билет.

Я вышел оттуда без веры к людям.
Все кончено. К чьим мне прижаться грудям?

С тех пор ненавижу ходить в кабаки —
сжимаются руки мои в кулаки.

ПОЧТИ ПО ГЕТЕ

Я один скучал, как трагик,
вечер чудный, как дизайн.
Ист цу энде майне фляген,
закусона тоже найн.
Зитцен ихь как идиотэн,
пью вино, кропаю стих,
но завыл в камине кто-то —
ведьма, ведьма, чур не ихь!
Закричал я:

— Майне Муттэр,
неужели не допью?
Как хвостом старуха лупит,
только я хвосты рублю.
Брысь, хвостатая ты клюшка!
Кёнэ ихь твою корысть!
Впрочем, трынкен, где же кружка,
сердцу станет зашибись!
Только кружка! Видят боги,
больше нет — не магазин.
И лети, лети, как фогелль,
либо зитцен ихь один.
На закуску только сушка,
шляйхт как пахнет от мурла,
ах, ты, Муттэр, где же кружка?
Ведьма, трынкен из горла!
Я старуху, видно, донял:
проскрипела, как кронштейн:
— Трезвость — норма жизни! Понял?
Придушу, коль не ферштейн!

ПОЛЕ

Прожить — не по полю
вразвалку пройти.
— Заснули там что ли?
А ну, посвети...

Где скулы кололи
ковыль и гвоздика —
там минное поле,
попробуй, пройди-ка!

В лесочке десант
ожидает приказы.
— Ползите, сержант!
Вроде стихли, заразы.

И вздрогнула рота...
Проклятая доля!
Вся жизнь для кого-то
лишь вспышка на поле.

Ты сам здесь решаешь,
твой путь не для робких.
На поле, ведь знаешь,
ни стёжки, ни тропки.

За новой бедой
поползешь, чертыхаясь,
но вслед, за тобой,
побегут, не сгибаясь.

Ведь жить — не ухабы
топтать, а где мины,
дай воли хотя бы
достичь половины.

И мне дай бог воли
не сгинуть от зверства —
по минному полю
ползу с малолетства.

И в холод и в зной
руки грязь загребают.
Но следом за мной
в полный рост зашагают.

ФОРТУНА

Моих губ не скривишь
даже Курской кривой —
только прямо, вперед, словно Кенеди.
Если вдруг повернется фортуна кормой,
заплыву беспардонно я спереди.

Океаны кипят, корабли хороня,
в небе тучи недобрые клочатся.
Но фортуна всегда будет помнить меня,
даже если ей помнить не хочется.

Потому что в лодчонке худой лишь дурак
на волнах бултыхаться отважится.
Но я верю, фортуна, — все делаю так!
Что кривишься? Иль это мне кажется?

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ЗВОН

Обожаю звон стекла
килогерц так в тридцать тысяч!
О, майн херц, тебя бы высечь,
чтоб перечить не могла.

Как хрустальный ахнешь тост,
сразу весело и звонко,
правда, что-то в перепонках,
но зато до черта звезд!

В этих рюмочных вещах
столько тайны и эмоций.
Что твои там «первертоцы»
на кассетных квадрах.

Вот тарелка без углов,
вот ее сестрица люстра —
как используешь все с чувством,
так не нужно больше слов.

Тридцать тысяч килогерц —
и уму они, и сердцу!
Жаль, что эти килогерцы
слух не слышит наш, майн херц.

НА МЕТЕОРЕ

Из горла глотаю пиво,
и тоска меня грызет.
Взгляды чувствую стыдливо,
и швыряю тару мимо —
Волга-матушка снесет.

Метеор рокошет, мчится,
Гнет упрямую дугу.
Я могу совсем упиться,
но вернуться не могу.

Я могу всю жизнь на вздыбе
быть упрямым и в поту,
как Толстой остаться в глыбе,
я могу заехать рыбе
этим пивом по хребту.

Рядом девки осторожно
набиваются в друзья
и сверкает всем, чем можно,
даже этим, чем нельзя.

Я без них могу... мгновенье,
я могу хоть в тыл к врагу,
без трудов и вдохновенья,
без тебя лишь не могу.

Если б волны, да в котлету
смяли этот метеор —
я бы выплыл, как из Леты,

и пришел к тебе с приветом,
или без... потупив взор.

Но даю от худа ходу —
от тебя, моя змея.
Что-то тьма вокруг народу,
что-то портится погода,
а быть может — порчусь я.

ПРОГУЛКА

Вечер город многотомный
запихал под паранджу.
Злой, голодный и бездомный
я по городу брожу.

Светофорными горшками
путь отмечен в небеса.
Чудно пахнет пирожками
и свободой, как у пса.

Даль моя сера и сира,
мысли скачут, как шары
на предмет спасенья мира
и отсутствие норы.

Я достоинство бродяжье
задираю, словно флаг.
Познаю мурлом бодяжьим
мир колбасников и скряг.

Мне презрительно кивают,
обращаются на «ТЫ»,
мой асфальт перебегают
только черные коты.

Худо, братцы, очень худо
в зной, жару и холода
нам, бредущим неоткуда
и наверно в никуда.

Но вкусившему свободу
не вольете дух в духи!
Свой комфорт чертям в угоду
променял я на стихи.

Я вернусь под тары-бары
под ликер и сладкий чай,
но затем, чтоб взять гитару
и сказать тебе:
— Прощай!

И уже в домашних клешнях
не удержишь, как туза.
Отвали, моя черешня,
все четыре колеса!

СОВЕТ

Когда вы проснетесь
под дождь в непогоду,
к тому же, споткнетесь
погоде в утону,
то, падая брюхом
в холодную лужу,
не падайте духом —
бывает и хуже.

Когда вы пройдете
и бури, и беды,
и как-то поймете,
что вышли с победой.

— Ты тоже прекрасна! —
воскликнете туче.
Напрасно, напрасно —
бывает и лучше.

НА ПЕРРОНЕ

Где ты, сумасшедшая?
Врут безбожно, боже!
Женщина ушедшая
всех она дороже.

Та, что позагадочней,
скроется красиво.
Эта всех порядочней,
только с ней тоскливо.

Стенка привокзальная
грубая побелка.
Сцена театральная
глупая подделка.

Тепловоз подмигивал,
капало, светало.
Как я переигрывал,
как она играла.

Мокрые хранители,
спящий эскалатор —
поспешите, зрители,
наша жизнь — театр.

Вот шныряем в низменность
в поисках наживы,
вот играем в искренность,
но весьма фальшиво.

Женщины крадущие
смотрят в окна грузно.
Если вечно ждущие,
значит, вечно грустно.

Поиграй в загадочность,
поиграй в усталость,
поиграй в порядочность,
подыграю в жалость.

Где ты уходящая!
Переводим стрелки.
Ты лишь настоящая —
прочие подделки.

В рампах мельтешение,
засыпают в ложах
Поиграй в прощение,
подыграю тоже.

В ПОЕЗДЕ

От жары на лбу шары,
пот струится под штаны.
Третий день продрать глаза
лень. Железная стезя
все увозит. Не найти.

Шпарит поезд по степи,
растянулся, будто глист —
то ли сбился он с пути,
то ли вдупель машинист?
Третий день и стук и свист.
не пишу тебе. Прости.

Я, ей богу, строк бы сто
отвалил тебе из ста.
Только страсть вся испеклась,
проводница извралась —
ни конверта, ни листа...
И к тому же, как на зло,
паста в ручке растеклась.

Полужвачный наш вагон,
Полумрачный, как загон,
И соседи пятый кон
Матерят сухой закон.
В ресторане нет вина,
Будто мчу не на юга.
хохотушек также нет —
м-да... не тот купил билет...

СМЕНА СВЕТА

Там, у светофора
в бешеном экстазе
сбил меня, как вора,
парень на КАМАЗе.
Вдребезги ключица,
потерялось тело,
и душа, как птица
в небо полетела.
Что с душой? Зарежьте,
облегчите, взвести!
Да она и прежде
не была на месте.
Что с душой? Пустыня
не внимает Богу.
Шеферюга в мыле
вышел на дорогу.
Я за жизнь цеплялся,
я не мелко плавал.
Бог в меня вселялся,
вслед вселялся дьявол.
Но не знал о Боге
бледный горемыка —
можно сбить с дороги,
но не с панталыку.
Можно сделать горько,
чтобы не поднялся.
Я все тот же! Только
свет мой поменялся.

ТАКСАФОН

Выплывай скорей из Леты,
отзовись в моем быту!
Таксофон жует монеты
и впадает в немоту.

Я теряю связь по крохам
с этой чертовой трубой —
с Гете, с Пушкиным, с эпохой
и с божественной тобой.

Кто нарушил наши связи
и в какой такой связи?
Мы буксуем как на КРАЗе
в бездорожье и грязи.

Нам осталось только в стены
биться с криками «виват».
Аппаратная система —
будь ты проклят, аппарат!

О, нежнейшее создание,
я желаю каждый час
слышать голос твой, дыханье,
ежедневно и сейчас.

С треском трубку разбиваю —
я взбешен и зол, и крут.
Двое сзади одобряют
учиненный самосуд.

Я даю красиво деру,
понимая, сотню крат,
что виновны здесь монтеры —
ни при чем здесь аппарат.

Но твой вздох из мироздания
словно тень за мной летит.
Слышать голос твой, дыхание —
кто мне это запретит?

НОЧНОЙ ИСХОД

Два с холодным бьет педантством,
ночь, да редкие машины.
В этот час с немым упрямством
по домам идут мужчины.

От девиц идут папаши,
от ничейных жен подростки...
Моросит, в кроссовках каша,
каплет мокрое на мОзги.

Уж зола остыла в соплах,
уж антенны в дрему клонит.
Из чужих постелей теплых
кто мужчин на холод гонит?

По своим домам и женам,
да по норам холостяцким,
по углам, халупам сонным,
по друзьям, общагам братским?

Так бабё минуя с пьянством
и хмельные матерщины,
с неизменным постоянством
возвращаются мужчины —

в полнолуние, в непогоду,
в будни, в праздник, в годовщину,
час от часа, год от года —
не понять умом мужчину.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Не рвануть ли нам в деревню
насовсем, на полный хоз?
Ты возьмешь в аренду землю,
я возьму в аренду коз.

Купим домик, что у леса,
сад, участок под бурьян.
...Облака вверху белесы,
и орут в ночи балбесы
под гитару и баян.

Будем печь хлеба и сушки
и сновать как муравьи.
Будут дни считать кукушки,
на заре урчать лягушки,
утром щелкать соловьи.

Ну, давай же с потрохами
в тишину, в покой рванем!
Я всерьез займусь стихами,
ты — козлами, петухами.
Что посеем — то пожрем.

ВИКОНТ

Однажды к подъезду подъехал Виконт
с моим невеселым досье.

Он молча сурово выдерживал понт,
пока я не выдавил:

— Мсье,

Что тянете? В пень! Уже нет моих сил
в моргалы глядеть подлецу.

Внушает почтенье казенный ваш ЗИЛ,
но шпага вам больше к лицу.

Вы славно свои промотали года,
обрушив весь пыл на врагов.

ХолУев рождала планета всегда,
сегодня — сплошных дураков.

Резиновой палкой пахнуло мне в нос,
взыграла дворянская спесь.

— Побойтесь потомков, товарищ Атос,
все трусы, но вы еще есть.

Нажал на педаль, разозлившийся мсье,
куда-то рванул и исчез.

Но выпала папка с коварным досье
за подписью мелкой «Дантес».

Пробило асфальт на полметра, как снег,
и дух мой в коленки отбыл.

Дыру залатать обещался наш ЖЭК,
но видимо после забыл.

МОРОЗЫ

И снова грянули морозы,
как о бетонку головой,
и снова лезет рифма «розы» —
уж извини, читатель мой.

Дрожит в растерянности Жека,
грызет собака бутерброд,
и лопнул тот водопровод,
сработанный рабами ЖЭКа.

Мороз и розы — штучки старые,
лоснится солнце на жиру.
Все ждали крымскую жару —
явились Крымские татары.

Уж кепка лысину не греет,
уж всюду шубами пестрят.
Пикантно ворон к галке клеит,
в беседке парочка колет,
окурки подо льдом блестят.

Вот бегают по снегу кошка,
как уссурийская, из тех.
Процокала в капроне ножка,
и из немытого окошка
раздался жеребьячий смех.

Снега застыли, как на страже,
барбос устал плясать канкан.

Голосовали все за пляжи
и за тропический туман.

И Жека льет хмельные слезы
в небритой шапочке без роз,
а вместо манны, рос и грез
свалился снег, как баба с возу.

Хотел любезен быть народу
при ананасах и бeze,
но в этой средней полосе
не пахло тропиками сроду.

НЕВЕЗЕНИЕ

Не везет, хоть убей.
День сегодня таков:
то закрытых дверей,
то коротких гудков.

Видно я не здоров.
Ощуцаю острее:
то беспомощность слов,
то бессмысленность дней.

ПОДРАЖАНИЕ ФЕОГНИДУ

Тщательно мы выбираем
 нехитрый товар на прилавках,
Гневно швыряем обратно
 ботинки, штаны и зонты.
Бдительно смотрим, что нам наперед
 завернет или всучит
Жулик, колбасник, фирмач, продавец,
 или просто торгаш.

О как придирчивы мы к сапогам,
безрукавкам, костюмам,
О чтобы только «фирма» или супер,
хай-фай и последний блезир.
Что ж не разборчивы в выборе мы
депутатов госдумы —
Будто кроты выбираем вслепую
предложенных их.

НЕНАВИЖУ РИФМОВАТЬ

Беги, лети, скачи в галоп,
стели пустыни вехами!
Езда в незнаемое? Стоп!
Слезай дружок, приехали.

Где край земли, и острова,
планеты и созвездия?
Кругом дрова, одни дрова —
и это есть поэзия?

Чем ниже слог, тем больше дров,
хотел просвета? Выкуси!
Плутаем в дебрях нудных слов,
но верю в рифму — вывезет.

Сквозь чащу клячу буду гнать
до полного, до выклада.
Я ненавижу рифмовать,
но больше нету выхода.

АНДРЕЮ ПЧЕЛКИНУ

Чтобы даль приблизить мировую,
нам не жалко жизни положить.
Но когда мы все перерифмуем,
чем скажи, дружище, будем жить?

Будет новый день и будет пища,
поменяешь родину, жену.
Хоть минуту помолчи, дружище,
дай послушать просто тишину!

Тишину без рифм, метафор, вздора,
не тревожась, что порыв проспишь.
Я не знал, прости, что очень скоро
ты уже навеки замолчишь.

В ОМУТЕ

Наталии Шульженко

Наша жизнь ползла, как улитка,
без событий, которых нет.
Как-то раз заплывла к нам рыбка,
излучавшая лунный свет.
Шаловливей она прилива,
и лучистый за нею след,
ну, быть может, чуть-чуть сварлива,
но она излучала свет.

С карасями не стало сладу,
линь от дрема решил слинять,
а где принято пятиться задом —
молодняк принялся шнырять.
Будто молнией глубь прошило,
а она, будоража тишь,
за усы сомов тормошила:

— Эй, проснись, или жизнь проспишь!
Но луне не светить в угоду,
но веселью не быть, где мрак.

— Убирайся, ты мутишь воду! —
рассердился угрюмый рак.
И вильнув хвостом неуклюже,
уплыла она в устье бед.
Видно, свет ее был не нужен,
потому что смолчали вслед.
С той поры не поем, не пляшем,
и опять — ни ночей, ни дней.
Все по-прежнему в омуте нашем,
только стало еще темней.

В ЗАЩИТУ ПЕТУХА

Пожалейте петуха
звездочеты и аскеты!
С неба сыплются кометы,
как из Логоса труха.

Эх, судьбы круговорот —
отпускает крыса баки,
деньги падают собаке,
петуху — вагон забот.

Свод небесный — как беда,
а точнее — дуля с маком.
Под каким бы ни был знаком,
он общипанный всегда.

То лягнет его коза,
то горилла одурачит,
то по нем кастрюля плачет,
то змея шипит в глаза.

То в народного врага
превратят при общей драке,
то в какой-нибудь клоаке
псы сгноят за червяка.

Лошадь ржет из-под сохи,
обложился кирпичами
кот, и вол храпит ночами,
а петух строчит стихи.

Он мыслитель и герой,
вестник вечного рассвета.
И портные и поэты
за рассвет всегда горой.

Рыб укутают в меха,
обезьян не ждут возмездья.
Всемогущие созвездья,
пожалейте петуха!

СПАТЬ ОХОТА

Снег на стеклах, словно пудра,
и размыты фонари.
Здравствуй, заспанное утро,
утро, черт тебя дери!

Заскулил внизу напильник,
наверху поднялся лай,
и ехидно, как будильник,
на кольцо звенит трамвай.

Сын вскочил в четыре ночи
кукле носик отгрызать.
Спать охота — нету мочи,
боже, как охота спать.

Потянулась сладко мама
грациозная, как лань,
и изящная как лама —
то ли инь, а то ли янь.

Не забыть бы по порядку
встать, побриться, пожевать.
Сын в описанной кровати
начинает бушевать.

Репродуктор, будто сводня,
надрывается с утра:
завтра лучше, чем сегодня,
а сегодня — чем вчера.

Кофе лучше, чем какао,
Питер лучше, чем Париж.
В холодильнике по праву
ищет виселицумышь.

Встать, побриться, выбрать фото,
и заметку в номер сдать!
Мочи нет, как спать охота,
Боже, как охота спать!

ОРАИЦА

Елене Крюковой

1

Околдуй, как Феб Элладу,
мой дремотный кабинет.
Позвонить друзьям бы надо,
да разменных нет монет.

Околдуй, чтоб выдать вещи
в звон дамасского клинка.
За окном листа трепещет,
а в душе — ни ветерка.

День прошел, и слава богу,
следом — ночь, и дьявол с ней.
Я собрался бы в дорогу,
но ретивых нет коней.

Околдуй мои сирены,
книг дремучих караван.
Здесь обломовские стены
и обломовский диван.

Чтоб работалось мне в стиле
Тита Плавта и Рабле,
чтоб тоску не наводили
лист с машинкой на столе.

Чтоб блеснула хоть мыслишка,
как карась в ночном пруду.
Накатал бы я письмишко,
только ручки не найду.

2

Но тебе до ворожбы ли?
Сто звонков, как сто гадюк.
В некоем царстве жили-были
та орлица и индюк.

За окном такая каша —
бродит осень во соку.
И грустит орлица наша
по цветному индюку.

Сохнет львица по барану,
плачет роза по репью.
Утро серы, тучи драны —
то ли умер, то ли сплю.

Индюки глаза таращат
на орлицу сквозь герань.
И одну повозку тащат
конь и трепетная лань.

Обнаглевшие еноты
тащат ласточек в нору —
то проклятые эроты
веселятся во бору.

Рок хохочет, рок резвится —
жизнь пускает под откос.
Сердце бьется у орлицы,
а индюк воротит нос.

День пройдет, и слава богу!
Ночь слезу твою утрет.
Кто крылат, не сломит ногу,
но сердечко надорвет.

За окном тоска собачья,
и орлице не понять,
что с утробой индюшачьей
от земли не оторвать.

За окном и дождь, и слякоть,
и такое за окном...
День пройдет —
ты будешь плакать,
ночь пройдет,
а жизнь — потом.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ

Когда ты не мыслишь как злодей,
то видится местами,
как все безбожно у людей,
и предки их с хвостами.
Блажен, кто до седин дожил
и не узрел изъяны.
Свинью нам Дарвин подложил
под видом обезьяны.
Да, был в Британии скандал
до самых до окраин.
До этого никто не знал,
как человек тщеславен.
Восстали трусы, храбрецы
и рота остолопов,
и бросились во все концы
искать питекантропов.
И чтоб вы думали? Нашли
их целую ораву.
Заплакали в церквях попы,
студенты взвыли «браво»!
«Пора открыть глаза, пора!» —
газеты ликовали.
Кричали женщины «ура»,
мужчины психовали.

В грязи копались и пыли,
кусали локти, пальцы,
и толпами в музеи шли
друзья неандертальцы.

Вы полагаете, легко
костями чертыхаться?
Сколь ни копай, до одного
звена не докопаться.
Неужто космос нас лепил
с беспечностью кабацкой?

— Копайте глубже, — подсказал
один могильщик датский.
Нам не сносить вовек креста,
покуда вера бьется.
Ведь нить гориллего хвоста
из Млечной нити вьется.
И Дарвин доказать не смог,
хоть и твердил упрямо:

— Не Бог, создатель наш, не Бог —
простая обезьяна.

Но голос грянул с Гималай
таинственный и вещей:

— Что выкопал, то закапай
и глубже глянь на вещи:
как обезьянничаем мы,
друг другу подражая,
то сладко лжем, то от Фомы
законы оглашаем.
Своим предшественникам вслед
ступаем из разлада,
ни чуда в нас, ни света нет —
есть только чувства стада.
Не выделяйся из толпы,
пока тебя не смяли!

Плевать, кем раньше были мы,
важнее, кем мы стали.

Все подражанье. Не таю
тоску свою и муку.
Мы подражаем жизнь свою
из год в год по кругу.
Уперся крышами наш век
в печенки мирозданий.
Быть может, Бог ты, человек,
но Бог ты — обезьяний.
И с легкой я хочу руки
назло своим праотцам,
чтоб чувства были глубоки,
как времени колодца.
Быть может, истина не в том,
чтоб колупаться в недрах,
а чтобы твой у горла ком
засел у встречающих в нервах.
И чтоб души чужой легко
коснуться мог ты краем,
чтоб в смысла поверил глубоко
и был тот смысла познаем.

ВЕЧНЫЙ ТУРИЗМ

1

Все на земле было ясно, как в чашке:
лес на равнине и горы на страже,
впадины, залежи, реки, овражки,
травы, цветы, ароматы... А также
парнокопытные, жуткокрылатые,
мелкогрызущие, крупнорогатые,
дикорастущие, чудноцветущие
и облака, никуда не плывущие...
И на одном — без конца перехрапывал
некий товарищ в хитоне и нимбе.

2

Клюнула в лысину как-то колибри:
некий проснулся, зевнул потянулся,
шмыгнул, икнул, почесался, обулся,
в зеркало глянул, умылся без звука.
«Скука, — вздохнул он. —

Смертельная скука».

— Скука, скучище,

тоска как из пушки! —

крикнул он громко, пинаю подушки,

— К черту вас, к лешему!

Лучше повешусь я...

(Леший надулся, а черт усмехнулся).

но в то же время —

чуть схожее с Богом...

Море вскипело, гроза разразилась,

тут же из пены оно и явилось...

Глянул господь:

— Ничего себе, рожа!

У-уу, носопырщина... Вот не везет!

Что за обличие? Словом, безбожно.

Ладно, — сказал, — для начала сойдет.

Хлопнул он, гопнул,

присвистнул, хихикнул,

оду пропел и опять засопел.

3

Но звонок затрезвонил свыше —

вероятно, «телега» снизу:

— Кто на проводе? Плохо слышу...

Почему, так сказать, без визы?

Ваше детище натурально

не в таком рисовалось свете —

весь период весит на пальме,

как кишка, позвольте заметить.

Жрет плоды, и весьма опасно

отпускает наверх упреки,

и свирепо сопит. Не ясно

на кого там у вас намеки.

Пусть эффектно оно, ретиво,

и в своем (ха-ха!) колорите.

— На земле пусть не так уютно,
но зато не грозит сорваться.

...И потопал он вдруг, потопал,
а за ним все гориллы буйство.
Как в ладоши Господь захлопал:
— Чувство стада — большое чувство!

Мы художники жизни — боги!
И пускай где-то смысл ютится, —
если следовать всюду логике,
то не стоит совсем родиться.

Вот незримое в нас искусство!
Вот звезда она, вот нетленье!
Так он думал, зевая с хрустом
и опять утонул в забвении.

5

Эволюция — плод разлада.
Босоного бредя по камням,
шло куда-то, угрозы мямля,
обезьян шерстяное стадо.

Корешки из-под ног выкапывая,
червяков и букашек лопая,
спотыкалось оно и плакало,
проклинали, но все-таки топало.

Джудик — первый, забыв про задних,
как и все впередиидущие,
позади, рулевого лая,
семенили в слезах отстающие.

Вот пещера — приплод разлада,
дальше — смутная сеть развилок.
Как всегда промолчало стало,
а вожак почесал затылок.

6

Будь проклят тот день!
Однажды о пенъ
споткнулся наш Джудик. Не жалко!
Но знаком вопроса
уткнулся он носом,
во что, вы бы думали? В палку!

Хоть это нелепо,
но Джудик свирепо
пульнул ее к самым верхушкам,
и в ту же минуту
великому плуту
свалился банан на макушку.

С невиданной силой
его осенило:
«все создано для катаклизма».

И это был дар,
точнее удар —
удар по устоям туризма.

Ликуй наша плоть!
Ну что ж ты, Господь,
не вывесил щит из картона:
«С пустой головой
не стой под стрелой! —
дойдешь до законов Ньютона».

7

Если зверь идет на зверя,
обнажив клычища мерзко,
в горло глаз горящий вперив,
— это ясно, это зверство.

Если Господа творенье
жахнет палкой по макушке,
тут без всякого сомненья
человеческие штучки.

И чем более орудья
совершенней становились,
тем изящней черепные
раскрывались бестолковки.

Увидав такую смуту,
Бог признал:
— Моя беспечность.

Отвернулся на минуту
и подмяла человечность.

— Ха! — воскликнул черт. —
Кто знает?

Дремлет Бог, но я не дремлю.
Тем, кто в облаках витает,
разве можно вверить Землю?

— Черт, возьми! —
вскричал пискляво
Наивысший, сон нарушив.

— Не возьму! — уперся дьявол, —
сам состряпал — сам и кушай.

Через день Всевышний выдал
из-за облачной из ложи:

— Я из пламени вас выдул,
я же вас и заморожу!

8

Сказано — сделано, и в тот же миг
некий воскликнул:

— Да будет ледник!

Что началось (аж, мурашки по коже):
снег повалил и озера замерзли,
скалы тряхнуло космической дрожью,
льды поползли из Антарктики грозно.

Джудик проснулся от страшного гопа
— тучи выныривали километровые,
мамонты к югу бежали галопом,
вслед — босоногие, крупноголовые.

Мелкогрызущие стали крылатыми,
стали рогатыми парнокопытные.
Все удирали стезями избитыми,
Джудик один лишь поперся на запад.

— Стой, идиот! —

заартачились сзади.

Дылды завывали, захныкали хлюпики.

— Где твой рассудок? —

конючили в стаде,

но продолжали

тащиться за Джудиком.

Стадное чувство — великое чувство.

Шли сквозь снега,

не вникая, в чем выгода,

сквозь ураганы, до полного выклада,

плач и угрозы сменяя холуйством.

Что разумелось в порыве великом?

Бремя просвета клонилось к закату.

Дикое племя тащилось на запад —

запад с тех пор удивительно дикий.

Вновь звонок затрезвонил свыше:

— Гениальны и льды и тропики,
но простите, не видим логики —
только трубы торчат и крыши.

Суперсамки, чудные яства,
рестораны, комфорт, отели.
Где туристское ваше братство?
Ведь его вы всегда хотели?

(Бог подумал: «Чревоугодие —
не моих ли кровей пародия?»)

Мы конечно ваш ценим гений —
мир рожден на высокой ноте, —
но есть ряд компетентных мнений,
будто создано все для плоти.

Тут любой в небесах свихнется:
кто же выдумал так бездарно? —
Что давала природа даром,
им горбом выкупать придется.

Вашу боль мы конечно знаем,
будет случай — с виновных спросим,
но зачем заострять вниманье
лишь на шкурных одних вопросах?

И еще объяснить извольте...
Но Господь перебил:

— Пойдите!
Если было бы все объяснимо,
жизнь бы стала невыносима.

10

Поглядел Господь на Землю:
шар коптели города.
Если Бог когда-то дремлет,
жизнь не дремлет никогда.

Океаны помутнели,
пробетонилась земля,
где когда-то птицы пели,
стало петь теперь нельзя.

Красоты не сохранилось,
как и живности в лесах.
«Но раз выжить им случилось,
то их стерпят в небесах».

Пусть недобро что-то трубы
выдыхают из утроб,
и ракет зловещих клювы
нагло метят прямо в лоб.

— Черт, возьми! — стонал избито
Бог и головой качал.

— Не возьму, хоть разрази ты!
— черт утрюмо отвечал.

— Нет, возьмешь и тлен и муки!
По закону, все века,
если Бог опустит руки,
поднимает черт рога.

Топнул Бог афиногенно
и как плакал в неглиже,
так и сгинул во вселенной, только эхо:
— С повыше...

11

Усмехнулся черт, услышав
эха дальнего отростки:
если голос, значит свыше,
если снизу — отголоски.

Но внизу, маршрут отчухав,
чудаки глядели гордо,
и желали им:
— Ни пуха!
А они бросали:
— К черту!

Призадумался нечистый:
Бога нет, но есть дорога,
дали свежи и росисты,
небеса свежи и чисты,
в поле птицы голосисты,
и пока живут туристы
не сожрет живьем утроба.

Содержание

ПОСЛУШАЙ	3
ПРОВИНЦИЯ	4
В ТОМАТЕ	5
ГРОМКИЙ РОК	6
СЪЕЗД	7
ЕЩЕ РАЗ О ЛЕНИНЕ	9
ПОНЕДЕЛЬНИК	10
МЫСЛЬ	12
ЗАВТРА	13
СЕГОДНЯ	14
ГОД ОВЦЫ	15
КАРАВАН	16
ЖИЗНЬ	19
ИЗ БИБЛИИ	20
КЕНТ	23
СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ	25
ПОЧТИ ПО ГЕТЕ	27
ПОЛЕ	28
ФАРТУНА	30
31	
НА МЕТЕОРЕ	32
ПРОГУЛКА	34
СОВЕТ	36
НА ПЕРРОНЕ	37
В ПОЕЗДЕ	39
СМЕНА СВЕТЕ	40
ТАКСАФОН	41
НОЧНОЙ ИСХОД	43
ПРЕДЛОЖЕНИЕ	44

ВИКОНТ	45
МОРОЗЫ	46
НЕВЕЗЕНИЕ	48
ПОДРАЖАНИЕ ФЕОГНИДУ	49
НЕНАВИЖУ РИФМОВАТЬ	50
АНДРЕЮ ПЧЕЛКИНУ	51
В ОМУТЕ	52
В ЗАЩИТУ ПЕТУХА	53
СПАТЬ ОХОТА	55
ОРЛИЦА	57
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ	60
ВЕЧНЫЙ ТУРИЗМ	63